

УДК 72.01

doi: 10.17072/2219-3111-2017-2-85-98

РЕКОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СОВЕТСКОГО АВАНГАРДА: ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ «ГОРОДКИ СВЕРДЛОВСКА: ОТ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТА К СОЦИАЛЬНОМУ ОПЫТУ»

Л. П. Пискунова, Л. Э. Старостова, И. В. Янков

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

lppiskunova@gmail.com

starostova5@mail.ru

iyankov@yandex.ru

Анализируется опыт исследовательской группы из города Екатеринбурга по организации выставки о конструктивистских городках Свердловска. Рассматриваются возможности и результаты работы с архитектурным наследием как феноменом public history, взаимодействия современного человека и исторического опыта «советского». Полагается, что архитектурная выставка может стать основанием для переконфигурирования (П.Рикер) исторического опыта путем его новой контекстуализации. Обосновывается возможность работы с авангардным архитектурным наследием как феноменом публичной истории, выявляется специфика его присутствия в культурном поле Свердловска/Екатеринбурга. Его конструктивистское прошлое предстает как важный недооцененный сюжет в городской идентичности, выводящий городскую историю за пределы привычного советского нарратива. Рассматриваются опыт реализации Утопии в пространстве новой авангардной архитектуры, форма и результаты приспособления жителей Свердловска к жизни в новых условиях. Анализируются разные формы присутствия конструктивистских объектов в современном смысловом поле Екатеринбурга, как в виде городских легенд, так и в виде непроговоренного и неосознаваемого значимого опыта. Объектом анализа выступают интервью с жителями домов и работниками учреждений в конструктивистских комплексах, семейные и архивные фотографии зданий и интерьеров конструктивистских квартир (ячеек), статьи в прессе, путеводители по Свердловску и отражаемый в них опыт социального взаимодействия людей в этих пространствах, его последующая интерпретация. Представлен опыт организации архитектурной выставки как формы работы с историческим опытом в публичном поле.

Ключевые слова: конструктивизм, public history, советский авангард, архитектурное наследие, популяризация, городок чекистов, Свердловск.

Публичная история

Прошлое – это сложное явление, находящееся в неоднозначных отношениях с настоящим. Существуют разные виды прошлого. *Прошедшее прошлое* – прошлое, которое прошло и которого уже нет, и только работа профессионалов-историков открывает те или иные его аспекты. *Прошлое настоящего* – актуальное прошлое, с которым напрямую связана идентичность индивидов и общностей, воспринимаемая ими как прямое основание «Я» или «Мы». Это прошлое выражается как в нарративах, транслирующих историческую мифологию, так и в различных формах *инкорпорированной истории*¹.

Инкорпорированная история – это инкорпорированный опыт, включенный в различные символические и телесные формы, от тел людей (габитус) до предметной среды жилищ и поселений.

Пересечение разного прошлого как раз и образует поле публичной истории. В фокусе внимания людей, обратившихся к истории, оказываются символические события. Но в современной ситуации кризиса Больших нарративов значимыми становятся не только большие события, но и формы повседневной жизни, и опыт проживания, передаваемый через рассказ и дневники. Понятие публичной истории появилось в связи с потребностью фиксации и описания коммуникации представителей узких сфер культурных исследований и практик с широкой аудиторией: «Представители *public history* стремились тем самым к фундаментальному обновлению дисциплины через фор-

мирование широкого спектра способов представления исторических знаний» [Аккерманн и др., 2012].

Динамический процесс обновления настоящего связан с постоянным обсуждением и переконфигурациями поля контакта прошлого прошедшего и актуального, изменением контекстов, открытием новых ракурсов событий прошлого. Так как речь идет об идентичности – феномене эмоционально нагруженном, связанном с пережитым опытом, травматическими событиями и переоценками того или иного отрезка истории, события или личности, этот процесс не может быть глубоко академической работой профессиональных историков. Это поле взаимодействия профессиональной историографии и общества. П. Рикер называл процесс постоянного обновления исторического нарратива процессом переконфигурации опыта, способом его нового обустройства, который позволяет открывать новые горизонты конструируемой идентичности (персональной или коллективной) [Рикер, 2000]. В этом процессе возникают новые контексты и связи с событиями прошлого. «Прикладная история таким образом способствует пониманию культурных и исторических условий человеческих действий, позволяет распознавать последовательность и разрывы в общественном процессе усвоения прошлого, помещая его в конкретный жизненный контекст» [Аккерманн и др., 2012].

Согласно данному концепту поиск новых форм сопряжения истории и искусствоведения и их пересечения с публикой имеет ряд аспектов: популяризация научных знаний, обращение к профессионалам как соучастникам исторического исследования с целью обновления как методологии научного поиска, так и самого контента научного знания.

Для многих исторических явлений публичная история сегодня становится необходимым инструментом коммеморации в силу особенностей самого объекта изучения.

Конструктивизм

Архитектурное наследие советского конструктивизма оказалось сегодня на пересечении актуальных исследований: изучение проблем и стратегий развития постсоветского города, советского утопического проекта в контексте опыта жизни простого человека, соотнесения советского конструктивизма с мировыми трендами апроприации модернистской архитектуры².

Архитектурный авангард, с одной стороны, выступает символом ушедшей эпохи, требующим осмысления и новых языков описания с учетом социального контекста его возникновения и социальных задач, стоящих перед ним, с другой стороны, является частью живой городской среды, подчинённой особым ритмам. Некогда задуманные в качестве составляющих большого проекта по переустройству социальной действительности авангардные архитектурные комплексы и сегодня определяют облик и структуру в пространстве крупных городов.

Архитектура советского авангарда (конструктивизма) является уникальным явлением, существовавшим с начала 1920-х до середины 1930-х гг. Уже в 1933 г. «творческая дискуссия Союза советских архитекторов» на тему «Творческие пути советской архитектуры и проблема архитектурного наследия» подводит черту под дискуссиями о функционализме и отношении к классическому архитектурному наследию. В частности, в статье Р. Хигера о творчестве братьев Весниных дипломатично формулируется суть произошедшего перелома: «...Творческая перестройка советских архитекторов, определившаяся особенно четко в связи с конкурсом Дворца советов, побудила советскую архитектурную общественность пересмотреть и переоценить установки и творческие позиции функционализма <...> Слишком однообразен и схематичен художественный язык функционализма» [Хигер, 1933, № 3–4, с.50].

В основе художественного конструктивистского образа лежали конструкция и функциональное назначение. На концепцию советского конструктивизма существенно повлияли два фактора: функциональная традиция в западной архитектуре (Ле Корбюзье, Баухаус) и глубокая связь с социальным проектированием, основанным на формирующейся в то время советской идеологии. В эссе «Конструктивизм» (1923 г.) Ольга Чичагова пишет: «Конструктивизм – это идеология, возникшая в пролетарской России во время революции, и как всякая идеология может быть жизнеспособным и не построенным на песке, лишь когда создает себе потребителя; а потому – задачей конструктивизма является организация коммунистического быта через создание конструктивного человека» [Чичагова, 2000].

Перед архитекторами-конструктивистами³ стояли сразу несколько задач:

- обеспечение в короткие сроки жильем большого числа людей, стягивающихся в крупные промышленные центры в силу индустриализации;

- разработка принципов распределения пространства строящихся зданий с учетом требований экономичности (разместить как можно больше людей в единице жилого пространства, найти наиболее дешевые материалы для строительства, разработать технологию максимально быстрого строительства, учесть максимально широкий спектр функций здания);

- создание новой функциональной эстетики;

- трансформация и переустройство всех сфер жизни и деятельности человека: конструктивизм как стиль претендовал на то, чтобы не просто украшать жизнь человека, а кардинально ее изменить. Архитекторы этого стиля стремились «войти во все области человеческой культуры и, разрушив изнутри старые мещанские устои, организовать новые формы бытия через воспитание нового конструктивного человека» [Чичагова, 2000].

Чтобы решить перечисленные задачи, архитекторы задумались прежде всего о связи архитектуры с типом общества и человека, формируемыми идеологией и политикой советской власти. Вокруг архитектурных вопросов стал вестись разговор о задачах программирования нового советского быта. Концепция быта жестко увязывалась с пространственными и планировочными решениями архитектурных проектов: «целью для нас является не выполнение заказа как такового, а совместная работа с пролетариатом по тем заданиям строительства новой жизни, нового быта, которые стоят перед ним» [Гинзбург, 1928, с.145].

Для архитектуры конструктивизма изначально характерна глубокая связь с социальным проектированием. Связь функционального подхода в архитектуре с требованиями рационального расселения больших масс людей привела к осознанию лидерами направления необходимости так проектировать жилые и рабочие пространства, чтобы они способствовали формированию нового типа советского человека и социальных отношений: «Мы утверждаем, что в эпоху строительства социализма (а конструктивизм не отвлеченная теория, а функция нашей эпохи) задача архитектора – прежде всего "изобретение" новых социальных конденсаторов жизни - новых типов архитектуры» [Критика конструктивизма, 1928, с.192]. Как социальный конденсатор жизни архитектура и градостроение в целом призваны были служить формообразующим элементом нового человека: «Город должен быть так построен, чтобы он стимулировал и организовывал весь распорядок жизни, труда и производства, культуры, физического и умственного развития и воспитания, бытового уклада, способов отдыха и развлечения, максимального развития личности» [Большой Свердловск, 1930]. Об этом свидетельствуют и заявления лидеров советского конструктивизма: «жилье не может быть решено без учета тех целей и задач, которые становятся перед рабочим классом в построении социалистического уклада жизни» [Тезисы по жилью, 1929, с. 122]

Между тем существование конструктивистских зданий в контексте советской эпохи и постсоветского периода показывает, что социальные практики вокруг данной архитектуры складывались не вполне так, как проектировались. Это касалось всех сторон быта – приготовления еды, вопросов гигиены, распределения бытовых практик между частными и общественными зонами, ротации квартир, возможностей строительной индустрии. Именно это было самой большой проблемой возведения новых городов. Стоимость кубической сажени строений в СССР была значительно выше, чем в развитых странах, помимо этого дефицитными и дорогими были и строительные материалы. «Плохое качество и высокая стоимость строительных материалов, устаревшие технологии строительства, недостаток квалифицированных строительных рабочих, техников, инженеров, нерациональная организация и отсутствие механизации труда на площадке приводили к тому, что строительство дома в СССР было дороже, чем, например, в Германии, в среднем на 35%, и это при том, что стоимость рабочей силы была ниже» [Коньшева, 2014, с. 91].

Проектные документы того времени говорят нам о постоянных изменениях в планировке помещений и санитарно-технических коммуникаций, обусловленных экономией. Кроме этого, новые идеи организации города, рабочего поселка и жилища, обсуждаемые в дискуссиях и конкурсах на протяжении 1920-х гг. и воплощаемые в «экспериментальных» объектах, оказывались мало связанными с массовой проектно-строительной практикой⁴. Положение осложнялось и ситуацией с организацией проектного дела: структура проектных организаций СССР не могла в силу огромных масштабов и исключительной новизны задач оперативно обеспечить комплексную разработку проектно-технической документации [Казусь, 2009, с. 105].

Конструктивизм Свердловска как потенциальный объект для работы в пространстве публичной истории

Конструктивизм Екатеринбурга описан и каталогизирован в ряде изданий сугубо архитектурной направленности [Смирнов, 2006, 2008; Токменинова, 2012; Уймин]. Наследие конструктивизма в Екатеринбурге представлено около 400 сооружениями. Именно этот стиль оформляет «лицо» центральной части города – проспект Ленина и ул. Малышева. Представлены здания различной функциональной направленности – жилые комплексы, административные и общественные сооружения, клубы и дома культуры, театры, больницы, гаражи и т.д. Так получилось, что центр Свердловска стал конструктивистским в ответ на запрос времени – превратить уездный город в индустриальную столицу огромной Уральской области.

Впервые о новом облике города было сказано в путеводителях «По советскому Уралу» 1928 и 1930 гг. (составители А.А. Афиногенов, А.В. Баранов, В.А. Гензель, Е.М. Ляминов), в разделе «Новый Свердловск». Но архитектурный облик города авторов путеводителя интересовал мало (по всей видимости, до начала глобального строительства перемены были незначительны). Больше говорилось о перспективах – проведении водопровода и канализации, пуске трамвая (1927 г.). «Кроме трамвая в скором времени будут построены новая центральная амбулатория с пропускной способностью 2000 ч. в сутки, холодильник, фабрика-кухня из 10.000 тыс. обедов в день, мощная радиостанция, дом почты и телеграфа, крематорий, и оборудованные по последнему слову техники два дома-гиганта: Дом промышленности и Дом Советов» [По советскому Уралу, 1930, с.29].

В газете «Уральский рабочий» за 14 декабря 1933 г. целый разворот под названием «Город, созданный заново» был отведен повествованию о кардинальных изменениях, произошедших в городе за десять лет, за время его столичности в масштабе созданной Уральской области (1923 г.). Видение нового облика Свердловска здесь передано словами кучера С.Ф. Потеряева: «Шоссе новое, будто шелк постлан. Брусчатка чистая и новая, как хороший пол. Лес сбежал, заводище вырос огромный и целый город (Уралмаш) рядом – 60.000 жителей»; профессора Горного института К.Е. Матвеева: «Главная улица упиралась в безвкусную глыбу Екатерининского собора... Вокруг него лепились двухэтажные деревянные домишки с заклеенными бумажными афишами хилыми заборами. Теперь тут пролегла прекрасная площадь со зданиями Облесполкома и Обкома ВКП (б). Всюду здесь: зеленые газоны, клумбы, фонтан из уральских камней, над улицей звучит радио. Эта площадь лучше, чем во многих городах заграницы... Когда я был в Берлине я не видел столько зелени, разве, что на площади около Бранденбургских ворот. Вот я поворачиваю на улицу 8 Марта... Деловой дом с его прекрасными магазинами, Дом контор... Еще недавно здесь лепились грязные лавочки Хлебного рынка, сейчас на их месте вырастает сквер. В Екатеринбурге было много кабаков, но не было науки. Свердловск – город вузов, втузов, научно-исследовательских институтов...» [Город, созданный заново, 1933].

В сборнике «Свердловск» (1946 г.) под редакцией А. Панфилова и К.Рожественского, исходя из некоторой временной перспективы дается художественно-аналитическое описание перемен в архитектурном облике города: «Над деревянными домиками старого города поднялись каменные корпуса Свердловска. Полукруглая башня «Динамо» смело и по-новому обрамляет угол улиц Ленина и Луначарского» [Свердловск, 1946, с.363]. Авторы сборника подчеркивают преобразование старого деревянного города благодаря каменным строениям, отличающимся смелостью в освоении новых форм.

В 1970 г. появляется фото-путеводитель по Свердловску, выпущенный издательством «Прогресс» на четырех языках. В нем транслируется устойчивый городской образ «работник и воин», созданный В. Маяковским в своих стихах в 1928 г. после его посещения Свердловска. Тут же говорится о ежедневных 100 тыс. гостей и туристов, посещающих город (хотя для иностранцев въезд в город тогда был закрыт) [Свердловск, 1970, с.12]. Архитектурный облик города представлен в путеводителе фотографиями центральных улиц с конструктивистскими зданиями.

В путеводителе-справочнике «Свердловск» (1973, 1975, 1983 гг., составители А.Д. Бальчугов, Н.Н. Бердников, Ю.А. Бураков, А.Д. Кернер, В.А. Пискунов и др.) впервые появляется описание конструктивистской архитектуры. Отмечается, что «жилые и общественные здания, построенные в начале 1930-х годов, до сего времени продолжают определять архитектурно-эстетический облик центра города». Авторы путеводителя-справочника фиксируют внимание читателя на социальных

функциях этой архитектуры: «Для жилых комплексов и общественных зданий характерны весьма скромные и простые фасады... они представляют для нас интерес не только как свидетельства бурного развития города в то время, но и как попытка решить социальные вопросы – обеспечение жильем трудящихся (быстро и дешево)» [Свердловск, 1973, с.58].

В третьем издании путеводителя-справочника обращается внимание на то, что с 1925 г. при планировании строительства появляется «идея жилых комплексов, основанных на новых, социалистических принципах быта» [Свердловск, 1983, с. 52]. К наиболее интересным относится так называемый "городок чекистов" ... Десятиэтажный корпус для малосемейных (ныне гостиница Исеть) и сегодня остается одним их архитектурных символов города Свердловска» [Там же].

В постсоветских текстах научного и справочно-познавательного характера описание памятников конструктивизма включает характеристику особенностей архитектурного проекта (объемно-пространственные и планировочные решения), особенностей использования зданий с приложением иллюстративного материала (плана, синьки, фотографии зданий снаружи и внутри) [Смирнов, 2008, Токменинова, 2012].

Более широкий подход к архитектуре конструктивизма представлен в издании «Екатеринбург. Архитектурный путеводитель 1920–1940». В нем приводятся сведения об историческом контексте появления зданий. В частности, в разделе, посвященном архитектурному комплексу «Городок чекистов», рассказывается о содержании понятия «чекист», о роли Ф.Э.Дзержинского в проведении политики НКВД, дается отрывок из статьи А.Пастернака, где осмысливается понятие «дом-коммуна» [Екатеринбург, 2015, с.142–146]. А одностраничное описание Дома связи сопровождается цитатой из воспоминаний горожанина С. Альтмана, опубликованных в газете «Уральский рабочий» в 2014 г. [Екатеринбург, 2015, с.86]. Однако обращение к социокультурному контексту существования архитектуры носит в этом издании фрагментарный характер.

Изучение архитектуры конструктивизма в городе Екатеринбурге началось в 1970-е гг.⁶ С 2015 г. авторы исследуют объекты конструктивизма в рамках социальной истории. В качестве одного из объектов изучения был выбран «Городок чекистов»⁷.

Собранные нами сведения (интервью с 27 жителями городка 1932–1985 гг. рождения, материалы включенного наблюдения, фотографии из личных архивов людей, живших и живущих в данном комплексе, материалы следственных дел арестованных, архивные данные о хозяйственной жизни комплекса и проч.) позволили сделать первые выводы о влиянии архитектурного проекта на повседневные практики его жителей. Обращение к социальной истории этого комплекса дает возможность раскрыть его значение для городской истории, осмыслить его человеческий опыт и конструктивистскую архитектуру как форму воплощения советского социального эксперимента [Пискунова, Старостова, 2015; Пискунова, Старостова, Янков, 2015]. На основе сказанного была определена концепция выставки «Городки Свердловска: от архитектурного проекта к социальному опыту» в рамках Дней конструктивизма на Урале-2016⁸.

Архитектурная выставка и работа с историческим опытом

В качестве объекта изучения (и экспонирования) нами были выбраны пять конструктивистских комплексов Екатеринбурга: городок юстиции (1934–1935 гг.), медгородок (1933–1936 гг.), городок чекистов (1934–1936 гг.), дома Госпромура (1928–1941 гг.), дома Уралоблсовета (1929–1933 гг.)⁹.

Особенностью подачи информации о конструктивистских комплексах Свердловска (Екатеринбурга) стало сосредоточение внимания на повседневных практиках через фотографии, отрывки из интервью, различные артефакты. Экскурсии по городкам включали посещение квартир и других помещений, в которых по-особому спланированное пространство активно взаимодействовало с человеком.

Образ архитектурных комплексов конструировался с учетом двух векторов социальных интеракций, что позволяло, с одной стороны, раскрыть связь спроектированного пространства и повседневных практик людей в нем, с другой – выявить социальные связи людей, определяемые феноменом архитектурного комплекса.

Для изучения влияния архитектурных решений на повседневные практики людей использовалась простая методика: анализировался архитектурный проект с целью выявления возможного влияния конкретных планировочных решений на повседневные практики людей. Для прояснения сути этой методики приведем два примера.

Комплекс «Городок чекистов» имеет ряд особенностей как в планировке зданий, оформлении фасада, так и в интерьерных решениях. Знаковым с точки зрения повседневно-взаимодействия жителей и архитектурного пространства является сюжет о так называемой «газовке». Это локальное наименование небольшой газовой плиты, изначально предназначавшейся только для разогревания пищи (которую, как предполагалось, жители городка будут брать в столовой городка) и находившейся в нише, разделявшей коридор и комнату с эркером. Такая планировка не прижилась в большинстве квартир. Люди старались так изменить пространство квартиры, чтобы газовая плита оказалась в комнате. При этом плита маскировалась дверцами как будто встроенного шкафа. Когда они были закрыты, возникала иллюзия жилой комнаты. На фото (рис.1) видно, что в комнате с газовой плитой есть круглый обеденный стол, что соответствует интерьеру как кухни, так и столовой, а также кровать, стоящая у стены с дверью. Одна створка двери закрыта, на ней висит ковер, это позволило поставить вдоль короткой торцевой стены кровать.

Приведенный пример свидетельствует о том, что идея обобществления питания не прижилась в «Городке чекистов», как, впрочем, и во многих других раннесоветских жилых комплексах («Слеза социализма» в Ленинграде, «Дом-коммуна» в Москве). Почти все наши информанты из этого комплекса устроили более-менее удобную кухонную зону.

Драматическое взаимодействие человека и архитектурного пространства происходило во всех исследованных городках, поскольку социальные процессы отклонялись от заложенной в архитектурный проект социальной модели. Например, в комплексе домов Госпромура (ряд корпусов по ул. Ленина, 52) было запроектировано 13 типов ячеек. Как предполагали архитекторы (Г.Коротков, Е.Валенков), маленькие квартиры с обобществленным коммунальным сектором должны были быть заселены людьми одинокими либо только начинающими семейную жизнь. При увеличении семьи должны были предоставляться квартиры большей площади. Однако в годы Великой отечественной войны квартиры в городках Свердловска дополнительно заселялись, и о улучшение жилищных условий пришлось забыть. В результате происходила реконструкция многих квартир в 1970-х гг. с целью хотя бы частичного приспособления их к нуждам семей, продолжавших жить в стесненных условиях.

Другой пример взаимодействия человека и архитектурной модели – планировка стационара в Научно-исследовательском институте охраны материнства и младенчества (НИИ ОММ). Г. Голубев, автор проекта, был архитектором, специализировавшимся на зданиях медицинского профиля. Здание НИИ ОММ имеет сложную форму и является удобным сооружением, позволяющим выполнять несколько функций: научно-исследовательскую, консультационную, лечебную. В здании есть большая операционная (высота потолка 7,4 м) со сплошным остеклением эркера, конференц-зал с плавно изгибающимся балконом, опирающимся на лаконично оформленные колонны. Но взаимодействие функции и пространства наиболее точно представлено в сплошном остеклении перегородок отделения для новорожденных. В 1930-е гг. в НИИ ОММ была реализована система выхаживания новорожденных, предполагавшая раздельное размещение новорожденных и матерей с целью профилактики заболеваний и младенческой смертности. Данная система предполагала использование функционально-индустриального подхода к выхаживанию новорожденных: за ними ухаживали одна-две медсестры по четкому графику, а остекление перегородок между палатами и коридором обеспечивало широкий обзор для любого сотрудника. Так пространство моделировало повседневные практики и отношения.

Во многих путеводителях и справочниках по конструктивизму Екатеринбурга к Городку юстиции относят Дом юстиции (здание облсуда и юридического института) (ул.Мальшева, 2б), жилой дом для работников юстиции (ул.Мальшева, 2ж) и так называемый дом-улитку (ул.Мальшева, 2е) (архитектор С. Захаров). Все три дома были построены рядом с территорией старого тюремного замка (первая половина XIX в.). Исследование повседневных практик жильцов и работников этих комплексов позволяет сделать вывод о том, что все они были интегрированы в систему хозяйственных и социальных отношений судебно-исполнительной сферы. Сотрудник ГУ ФСИН по Свердловской области, занимающего здание по ул. Репина, 4, дал такой комментарий: *«Как это планировалось в тридцатых годах, то наверно было очень функционально. Потому что получается вот вам суд. Осудили. Тут же, не выходя на улицу, перевели его в следственный изолятор. Нужно вам опять на суд, вывели теми же коридорами. Осудили и тут же теми же коридорами отвезли его в колонию. И он нигде ни с кем не стыкуется. Он не может провести побег. Он не может*

какие-то не дозволенные связи совершить. В идеале все это. Тут же Управление решает организационные вопросы. Ну, может быть, где-то в тридцатых годах это работало».

В действительности система отношений в данном комплексе гораздо более сложная. Попытаемся описать все ее элементы.

Дом юстиции – здание неправильной Г-образной формы, состоящее из шестизэтажного полуцилиндра и пятиэтажного параллелепипеда. В части здания цилиндрической формы десятилетия функционировал областной суд. Параллелепипед с 1934 г. по первые годы XXI в. занимал Свердловский юридический институт. Пространственная близость их давала возможность студентам часто слушать реальные дела в суде. *«Мы ходили слушать, допустим, небольшие дела какие-нибудь. Кассационное рассмотрение жалоб. Там 10-15 минут же. Пришли, послушали... Приходили группой студенческой с преподавателем. Это совмещение, конечно, полезно, что студенты имеют возможность не куда-то там ехать далеко, что в пределах учебного часа можно было посетить здание областного суда»* (из интервью судьи в отставке). Кроме того, как видно на архивных фотографиях и из истории судей, ушедших на фронт в годы Великой Отечественной войны, в здании юридического института были общежитие и, возможно, даже квартиры. Многие студенты-юристы подрабатывали в находящемся поблизости следственном изоляторе младшими контролерами. В строениях во дворе Дома юстиции, как выяснилось, также жили люди (на гараже была сделана надстройка, разделенная на четыре маленькие комнаты. Мама одной из наших информанток специально устроилась уборщицей в суд, чтобы получить одну из комнат. Поэтому ее дети гуляли по помещениям суда, общались с шоферами во дворе суда, в то время как за деревянным забором, разделявшим территорию СИЗО-1 и суда, шла тюремная жизнь.

В воспоминаниях респондентов возникают образы социальных связей и отношений, порождаемых спецификой комплекса.

« - А вообще к нам домой приходили зеки все исправляли. Как подведомственный был дом. Тогда еще ЖЭКа не было. Мы к ним относились. Дом же ихний был. Подведомственный. И они приходили что-то делать.

А они под конвоем приходили?

- Так нет. Там же есть расконвоированные.

А вы откуда знали, что они зеки?

- Так видно же. Он в форме стоит. Видно на лицо» (из интервью жительницы дома по ул. Малышева, 2ж).

Взаимосвязь двух миров – тюрьмы и жилого дома – осуществлялось и через выкрики заключенных из окон камер:

« - Я даже на балкон выносила дочку. Они кричали: "Эй, девушка!". Я еще молодая была. Думала: «О господи, как вы мне надоели»

То есть заключенные кричали?

- Ну да. Там, напротив окна» (из интервью жительницы жилого дома по ул. Малышева, 2ж).

Таким образом, взаимопроникновение мира свободы и несвободы происходило благодаря пространственной близости и общей ведомственной принадлежности зданий.

Входящий в комплекс Городка юстиции дом – построенное в форме улитки здание детского сада для детей юристов – десятилетиями служил помещением для отделения патологии беременности. Как круглосуточно функционирующее медицинское учреждение, отделение имело неформальную договоренность с пунктом охраны СИЗО-1 о возможности звонка с просьбой о помощи в случае возникновения чрезвычайной ситуации ночью.

Так пространственная близость зданий в городке способствовала установлению социальных связей между подсистемами (жилыми и служебными) особого социального мира, объединенного инфраструктурой судебной-пенитенциарной системы.

Заключение

Как показала реализация выставочного проекта «Городки Свердловска: от архитектурного проекта к социальному опыту», выбранные способ концептуализации и форма подачи материала позволили привлечь внимание к конструктивистскому наследию и сформировать «объемное» отношение к советскому прошлому города Свердловска. Наибольший интерес посетителей вызывали следующие аспекты выставки и экскурсий:

- лично пережитые и осмысленные жизненные ситуации в условиях конструктивистских зданий,
- трансформация интерьерного и социального пространств в повседневных практиках,
- формирование специфической социальной системы внутри архитектурных комплексов, которая возникла на пересечении множества полей и сфер в жизни человека: полного обслуживания всех бытовых и идеологических потребностей (жилые городки), обеспечения высокого стандарта жизни (городок чекистов), пространственной близости жилья и места работы (городок юстиции), сочетания научной, учебной и производственной деятельности (городок юстиции, медгородок), создания механизмов формирования нового человека и ситуаций несовпадения утопических желаний власти и повседневной практики людей приспособляемых, к задаваемым «сверху» условиям существования.

Дискуссия «Изучение повседневности: смыслы, источники, практическое применение», организованная в рамках выставки с участием ведущих специалистов в области советского архитектурного авангарда, продемонстрировала заметное влияние концепции экспозиции на развитие рефлексии о социокультурном значении конструктивистской архитектуры.

Изучение конструктивистских городков Свердловска (Екатеринбурга) позволяет рассматривать их архитектуру как культурно-символическую матрицу социальных отношений, переосмысливаемую в ходе социальных практик. В результате конструктивистские объекты, представленные на выставке и включенные в систему социальных связей через их обживание и осмысление, порождают различные эффекты в публичных полях. Во-первых, растет символическая ценность этих зданий, они становятся площадками для культурных мероприятий; во-вторых, они привлекают внимание горожан и включаются в экскурсионный нарратив, в-третьих, они выбираются в качестве места жительства представителями креативного класса и становятся полем арт-активности (биеннале, сувениры с образами конструктивистских объектов).

Конструктивистские городки, оказавшись в фокусе публичного внимания, приобретают общественное значение, они выходят из тени событий и объектов общего, недифференцированного советского прошлого и становятся самостоятельными и самоценными явлениями.

Для представителей старшего поколения обращение к конструктивистскому наследию, судя по записям в книге отзывов, - это позитивное и «благотворное» обращение к их житейскому опыту, которое позволяет зафиксировать их позитивные воспоминания и оценки с возможностью в дальнейшем выстраивать историческую свердловскую идентичность.

Для молодых и юных – это знакомство с историей города в контексте истории страны и в контекст мировой истории, а также ощущение собственной причастности истории.

Екатеринбург в результате обращения к конструктивистскому наследию через призму социальной истории и персонального опыта обретает дополнительную человеческую соразмерность в конкретных пространствах и помещениях. Бренд города и его идентичность получают значительное смысловое приращение и глубину, а стоящий за брендом набор историй, образов и их материальных воплощений (архитектурные комплексы) переводит диалоги о городе в поля публичной истории.

Примечания

¹ Подробнее об этом см. [Heller, 1982; Козлова 1998; Янков, 1997].

² Наиболее близкий нам ракурс исследования конструктивизма представлен в работах [Buchli, 2013; Cohen, 1992; Пэр, 2007; Токарев, 2016; Старков, 2016; Селиванова, 2016; Тимофеев, 2015; Ильченко, 2016].

³ Признанные лидеры и теоретики архитектурного авангарда и конструктивизма в СССР - Моисей Гинзбург, Константин Мельников, Илья Голосов, Леонид, Виктор и Александр Веснины, Иван Леонидов, Михаил Барщ, Владимир Владимиров.

⁴ Подробно о конкурсном и экспериментальном проектировании см. [Меерович, 2008, 2008а, 2008б; Хазанова, 1970, 1980; Хан-Магомедов, 2001].

⁶ Научный интерес к конструктивистской архитектуре Свердловска возник еще в середине 1970-х гг., именно тогда появляются первые публикации, посвященные ей [Берсенева, 1972, 2000; Звагельская, 1998; Токменинова, 1998; Смирнов, 2006; Шелушинин, 1974]. Постепенно круг исследователей расширился, сейчас эту архитектуру изучают не только архитекторы, но и философы,

историки, культурологи, краеведы К. Бугров, [Ильченко, 2016; Граматчикова, Енина, 2015]. В последние годы в Екатеринбурге разрабатываются авторские экскурсионные маршруты, идет музеефикация объектов архитектурного наследия конструктивизма (Белая башня в соцгородке Уралмашзавода, ячейка типа «F» в здании, спроектированном мастерской Моисея Гинзбурга), конструктивистские здания включаются в крупные художественные проекты (Дом печати как основная площадка 1-й и 2-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства 2010 и 2012 гг., здание бывшей гостиницы «Исеть» в качестве основной площадки 3-й Уральской биеннале современного искусства), увеличивается число изданий, посвященных конструктивизму.

⁷ Городок чекистов «Городок Чекист», (арх. Иван Антонов, Вениамин Соколов, Арсений Тумбасов, Александр Стельмашук) – жилой комплекс, построенный для сотрудников НКВД в первой половине 1930-х гг. Один из первых жилых комплексов, спроектированных по принципам конструктивистской архитектуры. Авторами предполагалось формировать новые бытовые практики у жильцов комплекса средствами пространственно-планировочных решений. Комплекс задуман и построен как дом-коммуна с вынесением ряда функций в обобщественное пространство. В квартирах нет кухонь – питаться предполагалось в столовой. Инфраструктура в рамках одного квартала поддерживала существование быта сотрудников НКВД: жилые корпуса дополняли здания детского сада, Дома культуры со столовой и магазином. В жилых домах были размещены поликлиника, аптека, прачечная, баня, парикмахерская. Городок чекистов имеет замкнутую композицию с ярким архитектурным акцентом со стороны улицы в виде подковообразного здания гостиницы Исеть (в первые десятилетия существования комплекса оно служило общежитием для малосемейных представителей младшего состава НКВД).

⁸ Выставка «Городки Свердловска: от архитектурного проекта к социальному опыту» экспонировалась в Екатеринбурге (октябрь – ноябрь 2016 г.) и Москве (март–май 2017г.). В Екатеринбурге выставку посетили 2084 чел., проведено 62 экскурсии для 774 чел., в деловой программе участвовали 320 чел. В Москве, в галерее авангарда на Шаболовке выставку по предварительным подсчетам посетило более 400 человек, были проведены 4 кураторские экскурсии и 6 публичных лекций.

⁹ Городок юстиции (арх. С. Захаров) – многофункциональный комплекс, включавший здание суда и юридического института, жилой дом, детский сад и учреждение исправительной системы. Представляет собой два пространственно разделенных архитектурных блока. Особенность комплекса – соприкосновение жилого, судебного и пенитенциарного пространств.

Медгородок (арх. Г.Голубев и А.Кац) – комплекс медучреждений, включавший усадьбу физиотерапевтического института с институтом профзаболеваний и стационаром, усадьбу городской больницы с терапевтическим и хирургическим отделениями, здания института охраны материнства и младенчества, медицинского института, патологоанатомический институт, клиники детских болезней. Особенность комплекса – индивидуальная, порой причудливая планировка зданий с учетом формы участка и их функциональной нагрузки. Наиболее сложными в плане являются здания НИИ ОММ и Института физиотерапии и курортологии. Для обоих зданий характерна изогнутая неправильная форма, отклонение от красной линии улицы, наличие треугольных эркеров разного размера, закругленных форм на торцах. При планировке зданий учитывалась их многофункциональность, т.е. совмещение лечебных, консультационных и научно-исследовательских функций.

Дома Госпромура (арх. Г. Валенков, Е.Коротков) – жилой комплекс для инженерно-технических работников. Состоит из двенадцати зданий, из которых девять – жилые корпуса, а три – здания для удовлетворения общественных нужд (поликлиника, административное здание по управлению комплексом, детский сад). По проекту практически все здания комплекса сообщались посредством воздушных переходов.

Дома Уралоблсовета – жилой комплекс, выполненный группой московских архитекторов под руководством М. Гинзбурга, который характеризовал данный проект как дом переходного типа, спроектированный на основе принципов экономии и индустриального подхода к организации быта. Комплекс включает пять домов для специалистов с квартирами от одной до четырех комнат, помещениями для детского сада, столовой, конторы и котельной. Первый и второй корпуса соединены открытым переходом и прогулочными террасами. Самый интересный в архитектурном плане – первый корпус (коммунальный, «переходного типа» с ячейками типа «F»), он рассчитан на перспективное развитие «индустрии быта».

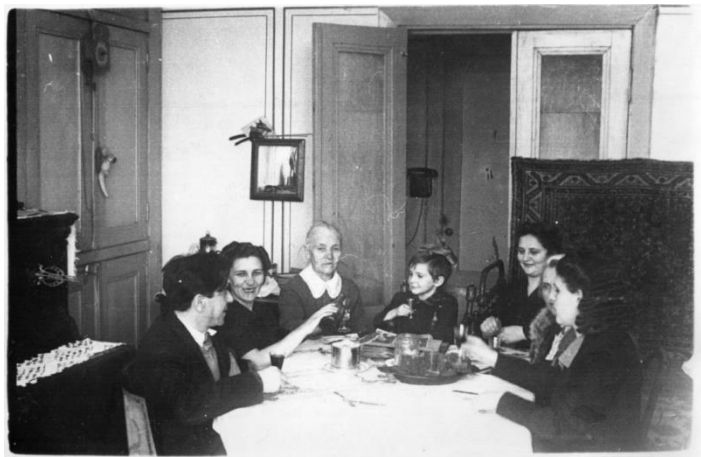

Рис. 1. Застолье в квартире Городка чекистов. Февраль.1945 г. (В левом углу видна дверь, скрывающая «газовку»). Фото из архива семьи Раппопорт)

Рис. 2. Выставка «Городки Свердловска»: от архитектурного проекта к социальному опыту». Музей архитектуры и дизайна г. Екатеринбург. (Фото Л. Старостовой)

Рис. 3. Выставка «Городки Свердловска: от архитектурного проекта к социальному опыту». Центр авангарда, г. Москва (Фото Л. Старостовой)

Библиографический список

- Buchli V.* An Anthropology of Architecture. Bloomsbury Academic, 2013. 224 p.
- Cohen J.-L.* Le Corbusier and the Mystique of the USSR: Theories and Projects for Moscow, 1928–1936. Princeton: Princeton University Press. 1992. 254 p.
- Heller A. A.* Theory of History. - London: Routledge & Kegan Paul, 1982. 303 p.
- Ilchenko M.* Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-garde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 30s // In Quaestio Rossica. 2016. Vol. 4, No 3. P. 55–71.
- Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Нуссер Ж., Томанн Ю.* Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012. № 3(83). С. 35–46.
- Берсенева В.* Конструктивисты и чекисты. // Урал. 2000. № 6. С. 161–164
- Берсенева В.* Описание памятников архитектуры Свердловска. Свердловск: САИ, 1972. 18 с.
- Большой Свердловск.* Свердловск, 1930. URL: <http://www.1723.ru/read/books/sverdlovsk-1930.htm> (дата обращения: 03.03.2017).
- Буден Б.* В сторону гетеросферы: куратор как переводчик // Сборник тестов Московской кураторской летней школы: Делать выставки политически. М., 2016. 238 с.
- Гинзбург М.Я.* Конструктивизм в архитектуре: Первая конференция общества современных архитекторов // Современная архитектура. 1928. № 5. С. 143–145.
- Грамотчикова Н., Енина Л.* Книга о любви и верности: реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери // Quaestio Rossica. 2015. №4. С. 109–129.
- Екатеринбург.* Архитектурный путеводитель по Екатеринбург 1920–1940. Екатеринбург, 2015. 358 с.
- Екатеринбург: наследие конструктивизма = Ekaterinburg: the heritage of constructivism /* текст. и коммент. Л. Н. Смирнов. Екатеринбург, 2009. 311 с.
- Казусь И.А.* Советская архитектура 1920-х гг.: организация проектирования. М.: Прогресс-традиция, 2009. 464 с.
- Козлова Н. Н.* Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1998. 156 с.
- Коньшова Е.В.* Восприятие европейского опыта в городском планировании и строительстве в советской России 1920-х - 1930-х гг.: этапы и формы // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 2 (25). С. 90–100.
- Коэн Ж.-Л.* Ле Корбюзье и мистика СССР: теории и проекты для Москвы. 1928–1936. Критика конструктивизма // Современная архитектура. 2012. №1. 316 с.
- Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008. 314 с.
- Меерович М.Г.* Рождение и смерть города-сада. Градостроительная политика в СССР 1917–1926 гг. Иркутск, 2008а. 289 с.
- Меерович М.Г.* Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР 1926–1932 гг. Иркутск, 2008б. 297 с.
- Милютин Н.А.* Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. М.; Л., 1930. 112 с.
- Пискунова Л., Старостова Л.* «Городок чекистов» г.Екатеринбурга: воплощение и трансформация утопии в повседневных практиках советской элиты // Известия Уральского федерального университета. 2015. №4 (146). С.40–53.
- Пискунова Л., Старостова Л., Янков И.* «Повседневные практики «Городка чекистов»: Каталог 3-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства. Екатеринбург. 2015. По советскому Уралу. Свердловск, 1928. 158 с.
- По советскому Уралу.* 2-е изд., перераб. и доп. Свердловск, 1930. 179 с.
- Пэр Р., Коэн Ж.-Л., Ламберт Ф.* Потерянный авангард: Русская модернистская архитектура 1922–1932: Фотоальбом. М.: Татлин, 2007. 348 с.
- Рикер П.* Время и рассказ. М.; СПб., 2000. 211 с.
- Свердловск /* ред. А. Панфилов, К. Рождественский. Свердловск, 1946. 387 с.
- Свердловск: Справочник-путеводитель.* Свердловск, 1973. 268 с.
- Свердловск: Справочник-путеводитель: 2-е изд., перераб. и доп.* Свердловск, 1975. 288 с.
- Свердловск: Справочник-путеводитель: 3-е изд., перераб. и доп.* Свердловск, 1983. 284 с.
- Свердловск-250.* Свердловск, 1973. 287 с.

- Смирнов Л.* Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2008. 160 с.
- Смирнов Л.* Творчество архитектора В.Д. Соколова: Дис. ... канд. архитектуры. Екатеринбург. 2006. 194 с.
- Стариков А., Звагельская В., Токменинова Л.* др. Екатеринбург: история города в архитектуре. Екатеринбург, 1998. 316 с.
- Старков И., Селиванова А., Зуева Д.* Даниловский Мосторг. М., 2016 152 с. Серия «Незамеченный авангард».
- Тезисы по жилью (приняты на 1-м съезде ОСА) // Современная архитектура. 1929. № 4. С.121–122.
- Тимофеев М.* Наследие иваново-вознесенского конструктивизма как ресурс развития города // Проблемы российской истории. Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск, 2015. Вып. 8. С. 310–320.
- Токарев А.* Архитектура Ростова-на-Дону первых пятилеток (1920–1930-е гг.). Ростов-н/Д: Изд-во Ин-та архитектуры и искусств ЮФУ, 2016. 408 с.
- Токменинова Л.* Городок чекистов. Жилой комплекс НКВД. Екатеринбург: Татлин, 2012. 113 с.
- Уймин А.* Лики старого города. Интервью с Мариной Сахаровой // Новая газета на Урале. URL: <http://www.ng-ural.ru/node/3800> (дата обращения: 03.03.2017).
- Хазанова В.Э.* Из истории советской архитектуры 1926–36 гг. М.: Наука, 1984. 140 с.
- Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М., 1980. 217 с.
- Хан-Магомедов С.О.* Архитектура советского авангарда. Кн. 2: Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001. 709 с.
- Чичагова О.* Конструктивизм // Литературные манифесты от символизма до наших дней / сост. С. Джимбинов. М.: Издательский дом Согласие, 2000. URL: <http://aptechka.holm.ru/statyi/teoriya/manifest/constructivism1.html> (дата обращения: 03.03.2017).
- Шелушинин А.* К истории архитектуры Свердловска (конструктивизм 1920–1930 гг.) // Из истории художественной культуры Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1974. С. 72–82.
- Янков И.* Нарратив в освоении исторической действительности: феномен обновления и социокультурный смысл: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. 24 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.03.2017

RECONTEXTUALIZATION OF ARCHITECTURAL HERITAGE OF THE SOVIET AVANT-GARDE: EXHIBITION PROJECT “SVERDLOVSK VILLAGES: FROM ARCHITECTURAL PROJECT TO SOCIAL EXPERIENCE”

L. P. Piskunova, L. E. Starostova, I. V. Yankov

Ural Federal University, Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russia
lppiskunova@gmail.com
starostova5@mail.ru
iyankov@yandex.ru

The article analyzes the experience of the research group from Yekaterinburg on the organization of an exhibition on the constructivist villages of Sverdlovsk. The authors consider the possibilities and results of working with the architectural heritage as a phenomenon of public history and of modern man's interaction with the historical experience of the “Soviet”. The authors prove that the architectural exhibition can become a basis for reconfiguring (in Paul Ricoeur's vision) historical experience through its new contextualization. The authors substantiate the possibility of working with the avant-garde architectural heritage as a phenomenon of public history and reveal the specifics of the presence of the architectural avant-garde in the cultural field of Sverdlovsk / Yekaterinburg. Its constructivist past appears to be an important, but underestimated plot in urban identity, that takes city history beyond the usual Soviet narrative. The authors consider the experience of implementing Utopia in the space of the new avant-garde architecture, the forms and the results of adapting the inhabitants of Sverdlovsk to life under new conditions. Various forms of the presence of constructivist objects in modern semantic field of Yekaterinburg are analyzed, both in the form of urban legends and in the form of a not-spoken and not realized, but significant experience. The objects of the

analysis are interviews with residents and workers of constructivist complexes, private and archive photographs of buildings and interiors of constructivist apartments (cells), newspapers articles, guides about Soviet Sverdlovsk, and the reflected experience of social interaction of people in those spaces and its subsequent interpretation. The authors also present their experience of organizing an architectural exhibition as a form of work with historical experience in a public field.

Key words: constructivism, public history, Soviet avant-garde, architectural heritage, popularization, Chekist village, Sverdlovsk.

References

- Buchli, V. (2013), *An Anthropology of Architecture*, Bloomsbury Academic, London, UK, 224 p.
- Cohen, J.-L. (1992), *Le Corbusier and the Mystique of the USSR, Theories and Projects for Moscow, 1928–1936*. Princeton University Press. Princeton, USA, 254 p.
- Heller, A. A. (1982), *Theory of History*, Routledge&Kegan Paul, London, UK, 303 p.
- Ilchenko, M. (2016), “Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-garde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 30s”, *Quaestio Rossica*, Vol. 4, No 3, pp. 55–71.
- Akkermann, F., Akkermann, Ya., Leettke, A., Nisser, Zh., Tomann, Yu. (2012), “Applied history or public measure of the past”, *Neprikosnovenny zapas*, № 3(83), pp. 35–46.
- Berseneva, V. (2000), “Constructivists and chekists”, *Ural*, № 6, pp. 161–164
- Berseneva, V. (1972), *Opisanie pamyatnikov arhitektury Sverdlovsk* [The description of architecture monuments of Sverdlovsk], Sverdlovskiy arhitekturnyy institut, Sverdlovsk, Russia, 18p.
- Bolshoy Sverdlovsk* [The Great Sverdlovsk], available at: <http://www.1723.ru/read/books/sverdlovsk-1930.htm> (accessed 21.03. 2017).
- Buden, B. (2016), “The side of heterofield: curator as translator”, in *Sbornik tekstov Moskovskoi kuratorskoi letnei shkoly. Delat vystavki politicheskii* [Collection of texts of the Moscow curatorial summer school. Doing exhibitions politically], V-A-C press, Moscow, Russia, 238p.
- Ginzburg, M.I (1928), “Constructivism in architecture: the first conference of contemporary architectures”, *Sovremennaya arhitektura*, № 5, pp. 143–145..
- Gramatchikova, N., Enina, L. (2015,) “The book about love and allegiance: the reconstruction of the image of communist’s father in memories of his daughter”, *Quaestio Rossica*, №4, pp. 109–129.
- Ekaterinburg. Arhitekturnyi putevoditel po Ekaterinburgu 1920–1940* (2015), [Yekaterinburg. The Architecture guide book of Yekaterinburg], Tatlin, Ekaterinburg, Russia, 358 p.
- Ekaterinburg: nasledie konstruktivizma* (2009) [Yekaterinburg: the heritage of constructivism], Yekaterinburg, 311 p.
- Kazus, I.A. (2009), *Sovetskaya arhitektura 1920-kh gg.: organizatsiya proektirovaniya* [The Soviet Architecture of the 1920s: The organization of designing], Progress-traditsiya, Moscow, Russia, 464 p.
- Kozlova, N.N. (1998), *Sotsialno-istoricheskaya antropologiya* [The Social Historical Anthropology], Clyuch-S, Moscow, Russia, 156 p.
- Konysheva, E.V. (2014), “The reception of the European experience in city planning and construction in Soviet Russia of the 1920-1930s”, *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, № 2 (25), pp. 90-100.
- Koen, Zh.-L. (2012), *Le Corbusier i mistika SSSR: teorii i proekty dlya Moskvy* [Le Corbusier and Mystic of the USSR: theories and projects for Moscow], Art-Volhonka, Moscow, Russia, 316 p.
- “Critics of Constructivism” (1928), *Sovremennaya arhitektura*, №1, 316 p.
- Meerovich, M.G. (2008), *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyudmi. 1917–1937* [The punishment of housing: the housing politics in USSR as a method of governing people in 1917-1937], ROSPEN, Moscow, Russia, 314 p.
- Meerovich, M.G. (2008a), *Rozhdenie i smert goroda-sada. Gradostroitel'naya politika v SSSR 1917–1926 gg.* [The Birth and Death of Garden-City. The town planning politics in USSR of 1917-1926], Poligraficheskaya gruppa “ASPrint”, Irkutsk, Russia, 289 p.
- Meerovich, M.G. (2008b), *Rozhdenie sotsgoroda. Gradostroitel'naya politika v SSSR 1926–1932 gg.* [The Birth of Sotsgorod. The town planning politics in USSR of 1926-1932], Poligraficheskaya gruppa “ASPrint”, Irkutsk, Russia, 297 p.
- Milyutin, N.A. (1930), *Sotsgorod. Problema stroitel'stva sotsialisticheskikh gorodov* [Sotsgorod. The Problem of constructing of cities], Gos. izd-vo, Moscow; Leningrad, Russia, 112 p.
- Piskunova, L., Starostova, L. (2015), “Chekists village” of Ekaterinburg: the problem of transformation of utopia in everyday practice of the Soviet elite”, *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta*, №4 (146), pp. 40–53.
- Piskunova, L., Starostova, L., Yankov, I. (2015), “Everyday practices of “Chekist village””, in *Katalog 3-y Uralskoyi industrial'noy biennale sovremennogo iskusstva* [Catalog of the 3rd Urals Industrial Biennale of Contemporary Art], Yekaterinburg, Russia, pp. 10-16.
- Po sovetskomu Uralu* (1928), [On Soviet Ural], Uraloblspolkom, Sverdlovsk, Russia, 158 p.
- Po sovetskomu Uralu* (1930), [On Soviet Ural], Uraloblspolkom, Sverdlovsk, Russia, 179p.

- Per, R., Koen, Zh.-L., Lambert, F.(2007), *Poteryannyu avangard. Russkaya modernistskaya arhitektura 1922–1932* [The Lost Avant-garde. Russian modernist architecture of 1922-1932], Fotoalbum, Tatlin, Moscow, Russia, 348 p.
- Riker, P. (2000), *Vremya i rasskaz* [Time and narrative], Moscow, Russia, 211 p.
- Sverdlovsk (1946), [Sverdlovsk], Uraloblispolkom, Sverdlovsk, Russia, 387 p.
- Sverdlovsk. Spravochnik-putevoditel (1973), [Sverdlovsk. Book-guide], Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, Sverdlovsk, Russia, 268 p.
- Sverdlovsk. Spravochnik-putevoditel (1975), [Sverdlovsk. Book-guide], Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, Sverdlovsk, Russia, 288 p.
- Sverdlovsk. Spravochnik-putevoditel (1983), [Sverdlovsk. Book-guide], Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, Sverdlovsk, Russia, 284 p.
- Sverdlovsk-250 (1973), [Sverdlovsk-250], Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, Sverdlovsk, Russia, 287 p.
- Smirnov, L. (2008), *Konstruktivizm v pamiatnikakh arhitektury Sverdlovskoy oblasti* [Constructivism in architectural monuments of the Sverdlovsk region], Nauchno-issledovatel'skiy institut materialnoy kultury, Yekaterinburg, Russia, 160 p.
- Smirnov, L. (2006), *Tvorchestvo arhitekta V.D. Sokolova* [Creativity work of the architect V. D. Sokolov], Yekaterinburg, 194 p.
- Starikov, A., Zvagskaya, V., Tokmeninova, L. i dr. (1998), *Ekaterinburg: istoriya goroda v arhitekture* [Yekaterinburg: The History of the City in Architecture], Izd-vo Sverdlovskogo arhitekturnogo instituta, Yekaterinburg, Russia, 316 p.
- Starkov, I., Selivanova, A., Zueva, D. (2016), *Danilovskiy Mostorg* [The Danilov Mostorg], Mozhajskiy poligraficheskij kombinat, Moscow, Russia, 152 p.
- “The theses on accommodation (The First Congress OCA)” (1929), *Sovremennaya arhitektura*, №4, pp. 121-122.
- Timofeev, M. (2015), “The Heritage of Ivanovo-Voznesensk constructivism as the resource for the development of the city”, in *Problemy rossiyskoy istorii. Sotsialisticheskiiy gorod i sotsiokulturnye aspekty urbanizatsii* [Problems of Russian history. The socialist city and the socio-cultural aspects of urbanization], Magnitogorskij dom pechati, Magnitogorsk, Russia, vol. 13, pp. 310–320.
- Tokarev, A. (2016), *Arhitektura Rostova-na-Donu pervykh pyatiletok (1920 – 1930-e gg.)* [Architecture of Rostov-on-Don of the First Five-year-plans], Izdatel'stvo Instituta arhitektury i iskusstv YuFU, Rostov-na-Donu, Russia, 408 p.
- Tokmeninova, L. (2012), *Gorodok chekistov: Zhiloy kompleks NKVD* [Chekist village: residential complex of NKVD], Tatlin, Ekaterinburg, Russia, 113 p.
- Uymin, A. (2017), “Images of Old Town. Interview with Marina Saharova”, *Novaya gazeta na Urale*, available at: <http://www.ng-ural.ru/node/3800> (accessed 21.03. 2017)
- «Gorod, postroennyi zanovo» [Rebuilt town]. (933), *Uralskii rabochii*, 14 dekabria.
- Hazanova, V.E. (1984), *Iz istorii sovetskoy arhitektury 1926–36 gg.* [From the History of Soviet Architecture of 1926-1936], Nauka, Moscow, Russia, 140 p.
- Hazanova, V.E. (1980), *Sovetskaya arhitektura pervoy pyatiletki. Problemy goroda budushchego* [Soviet Architecture of the First Five-Year-Plan. The Problems of the City of the Future], Nauka, Moscow, Russia, 217 p.
- Han-Magomedov, S.O. (2001), *Arhitektura sovetskogo avangarda. Kn. 2. Sotsialnye problemy* [Architecture of Soviet Avant-garde. Second Book. Social Problems], Stroiizdat, Moscow, Russia, 709 p.
- Chichagova, O. (2000), “Constructivism”, in *Literaturnye manifesty ot simvolizma do nashikh dnei* [Literary Manifesto from Symbolism to Our Days], available at <http://aptechka.holm.ru/statyi/teoriya/manifest/constructivism1.html> (accessed 14.04. 2017)
- Shelushinin, A. K. (1974), “To the History of Architecture of Sverdlovsk (Constructivism of the 1920-1930s)”, in *Iz istorii hudozhestvennoy kultury Ekaterinburga-Sverdlovsk* [From the history of art culture of Ekaterinburg-Sverdlovsk], Sverdlovsk, Russia, pp. 72–82.
- Yankov, I. (1997), *Narrativ v osvoenii istoricheskoy deystvitelnosti: fenomen obnovleniya i sotciokulturnyy smysl* [Narrative in mastering historical reality: the phenomenon of updating and social-cultural meaning], avtoref. diss. kand. filos. nauk. UrGU, Yekaterinburg, Russia, 24p.